МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРИМИНАЛИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА

УДК 343.98; 81-13

В. В. Петров, М. А. Марусенко

ОБ ИСТИННОМ АВТОРЕ «ЗАПИСКИ ЮРОВСКОГО»

В статье анализируются исторические источники, посвященные убийству царской семьи, в частности «Записка Юровского», и формулируется гипотеза об участии в составлении этого документа академика М. Н. Покровского. Для определения авторской принадлежности «Записки» был использован метод атрибуции анонимных и псевдонимных текстов, основанный на теории распознавания образов. Изучение материалов следственного дела, а также истории появления и дальнейшей судьбы «Записки» позволяет сформулировать нулевую гипотезу о том, что атрибутируемый текст представляет собой единоличное произведение Я. М. Юровского, а альтернативная гипотеза имеет два варианта: а) атрибутируемый текст представляет собой единоличное произведение М. Н. Покровского; б) атрибутируемый текст представляет собой совместное произведение Я. М. Юровского и М. Н. Покровского. Результаты автороведческой экспертизы, проведенной методами статистико-вероятностного анализа, позволяют исключить возможность единоличного авторства как Я. М. Юровского, так и М. Н. Покровского. В то же время соотношение долей текста, атрибутируемых каждому из предполагаемых авторов (0,6:0,4), не исключает возможности существования третьего автора (или авторов), относительно личности которого на сегодняшний день не существует никаких предположений. Библиогр. 30 назв. Табл. 7.

Ключевые слова: царская семья, «Записка Юровского», Я. М. Юровский, М. Н. Покровский, авторство, автороведческая экспертиза.

V. V. Petrov, M. A. Marusenko

REGARDING THE TRUE AUTHOR OF «YUROVSKY NOTES»

The article analyzes historical sources which deal with the murder of the royal family, in particular, "Yurovsky Notes". Scholars have different views on the historical value of these memories. Yakov

Петров Вадим Вадимович — кандидат медицинских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; crim_pro@jurfak.spb.ru

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; mamikhail@yandex.ru

Petrov Vadim V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; crim_pro@jurfak.spb.ru

Marusenko Mikhail A. — DSc (Linguistics), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mamikhail@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

 DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.105

Yurovsky memories, which were written in different periods, are mutually contradictory in many aspects. In addition, they describe events which according to the logic of their development could not have occurred in reality or could have occurred, but with a different story line than the one described. Results of contemporary research cast doubt on the authenticity of this document and the authorship of Y. M. Yurovsky, as well as question the intellectual authorship of "Yurovsky Notes". There is a hypothesis that the true author of the memories is not Yakov Yurovsky, but Academician M. N. Pokrovsky or some other third person or persons. The memories were drafted by their "adapting" to the materials of Sokolov investigation already known by the time. To test this hypothesis it is necessary to conduct an authorship examination, performed by using modern mathematical methods of attribution, the procedure of which will be described in Part 2 of this article. Refs 30. Tables 7.

Keywords: royal family, "Yurovsky Notes", Yakov Yurovsky, Mikhail Pokrovsky, authorship, author's examination.

I. Анализ исторических источников и постановка вопросов для автороведческого исследования

Среди всех документов об убийстве царской семьи важнейшими признаются два. Один из их широко известен в литературе как «Записка Юровского», датируемая 1920 годом. Вторым документом является расшифрованная стенограмма выступления Я. М. Юровского 1 февраля 1934 г. в Свердловске на собрании старых большевиков. При этом датировал 1920-м годом «Записку Юровского» его сын, контр-адмирал в отставке А. Я. Юровский, лишь в 1950-х годах. В литературе можно встретить различные мнения об исторической ценности «Записки Юровского», что и заставило нас заняться этой темой. Вообще же в настоящее время известны три варианта воспоминаний Юровского, относящиеся к 1920, 1922 и 1934 гг.

От начала 1970-х годов до 1989 г. события, связанные с уничтожением тел царской семьи, по опубликованным в литературе сведениям М. К. Касвинова, выглядели следующим образом: «К 3 часам утра под наблюдением тех же особоуполномоченных тела казненных были вынесены на двор и уложены в кузов грузовика. Едва забрезжил рассвет, шофер Сергей Иванович Люханов вырулил в переулок и, сопровождаемый уполномоченными и конным отрядом, повел машину через спящий город к Верх-Исетскому заводу. Впереди разведчиком, просматривая дорогу до горизонта, поскакал верхом на коне Виктор Ваганов, один из активистов Совета. Дойдя до урочища, грузовик углубился в лес. Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами в штабель, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в болоте. В Ипатьевском доме внутренние караулы сняли. Внешние дня два еще несли службу. 22 июля, когда в городе явственно зазвучал грохот артиллерии, началась эвакуация учреждений. Н. Н. Ипатьева пригласили в Уральский Совет, возвратили ему ключи от дома. Когда пылал костер в урочище Четырех братьев, наступила развязка и для обитателей Напольной школы в Алапаевске» [1, с. 493–494].

Начиная с 1989 г. в отечественной литературе появились сведения о том, что на самом деле тела расстрелянных в основном были захоронены в так называемом Поросенковом логу, а часть тел была сожжена поблизости от места захоронения.

До конца XX в. в отечественной литературе практически не имелось сведений о том, что Я. М. Юровский оставил какие-то воспоминания относительно казни и захоронения Николая II, членов его семьи, доктора Боткина и царских слуг. Но если верить опубликованным данным, то крайне ограниченный круг людей

о воспоминаниях Юровского все же знал. К ним прежде всего относятся академик М. Н. Покровский и сын Я. М. Юровского — контр-адмирал А. Я. Юровский. В число таких людей входил и писатель М. К. Касвинов, автор книги «Двадцать три ступени вниз». В конце его книги есть одно не очень бросающееся в глаза примечание 11 к гл. 15: «Кроме того, автор располагал неопубликованными рукописями Я. М. Юровского: "Воспоминания" (январь 1934 г., 21 с.), "Записка коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге. Историку М. Н. Покровскому о казни Романовых" (1920 г.), а также рукописью его сына А. Я Юровского "В дни Невьянского восстания в 1918 г." (10 с.) и автобиографическими заметками М. А. Медведева, б. члена коллегии Уральской ЧК (декабрь 1962 г., 10 с.)» [1, с. 560].

Здесь необходимо отметить два следующих обстоятельства: 1) заглавие документа «Записка коменданта Дома особого назначения в Екатеринбурге. Историку М. Н. Покровскому о казни Романовых» (1920 г.) в дальнейшем не использовалось; 2) в процитированном выше примечании М. К. Касвинов не указывает количества страниц, содержащихся в «Записке коменданта…» (в отличие от других упоминаемых им документов), датировку которой он в своей книге отнес к 1920 г.

Учитывая разноречивые мнения относительно степени достоверности воспоминаний Я. М. Юровского, авторы сочли необходимым остановиться на изучении его биографии. В литературе можно обнаружить достаточно много сведений, касающихся этого человека. Так, доктор исторических наук, профессор И. Ф. Плотников сообщает о нем следующее: «Юровский Яков Михайлович (настоящее имя и отчество — Янкель Хаимович, 1878–1938)… Учился в Томске: закончил два класса в еврейской школе "Талматейро", обучался портняжному и часовому делу. Ремесленник. Имел часовую мастерскую. В 1898 г. по суду в Томске же отбывал наказание за "нечаянное убийство". Вступил в РСДРП(б) в 1905 г. Участвовал в революционной работе, террористических актах и экспроприациях. Несколько лет находился в эмиграции. После одного из арестов был выслан в административную ссылку в Екатеринбург, где и познакомился с Я. М. Свердловым. В 1912 г. обосновался в этом городе, открыл собственную фотомастерскую. Во время Первой мировой войны окончил фельдшерскую школу. Служил в военном лазарете Екатеринбурга, руководил и фотомастерской… С 1924 г. — на многих советских и хозяйственных должностях. Смерть в кремлевской больнице, где он допрашивался, спасла его от грозящих репрессий» [2, с. 484].

В сборнике документов и материалов, посвященном гибели царской семьи, который был опубликован в 2001 г., приводятся следующие данные: «Юровский Яков Михайлович (Янкель Хаимович; 1878–1938) родился в Клинске Томской губернии в семье ссыльных. Образование начальное, учился часовому делу. По словам брата Лейбы, в юности искал богатства, по характеру был хитер и жесток. Член РСДРП с 1905 г., участвовал в боевых отрядах, был знаком с Я. М. Свердловым. В годы Первой русской революции уехал в Берлин, там из иудейства перешел в лютеранство. Позднее возвратился в Томск, открыл часовой магазин, но в 1912 г. за революционную деятельность был выслан в Екатеринбург, где стал владельцем фотоателье. В Первую мировую войну был призван в армию, устроился в местную фельдшерскую школу и, окончив ее, остался при екатеринбургском лазарете… Являлся членом коллегии Екатеринбургской ЧК, где ему пригодилась фототека бывших своих клиентов. 4 июля 1918 г. был назначен комендантом "дома особого назначения"…

а в 1919 г. стал председателем Екатеринбургской губЧК. Позднее занимал ответственные посты на хозяйственной и партийной работе. Неоднократно выступал на собраниях старых большевиков с докладами о расстреле царской семьи. Умер в 1938 г. в Кремлевской больнице после тяжелой и продолжительной болезни. Некролог о его кончине был опубликован в газете "Правда"» [3, с. 295]. Приведенное в сборнике сообщение о том, что Я. М. Юровский «неоднократно выступал на собраниях старых большевиков с докладами о расстреле царской семьи», является явным преувеличением комментатора. В литературе можно найти упоминания лишь о единственном выступлении Я. М. Юровского на собрании старых большевиков, касающемся данного вопроса, а именно в Свердловске 1 февраля 1934 г. О других его выступлениях на тему расстрела царской семьи ни на собраниях «старых большевиков», ни на любых других собраниях в доступной для изучения литературе никаких сведений обнаружить не удалось. И еще одно соображение: как с утверждением по поводу «неоднократных выступлений» совместить слова Я. М. Юровского, сказанные им 1 февраля 1934 г., относительно сугубой секретности тех сведений, которые он доводит до сведения присутствующих на этом собрании?

Ю. А. Буранов приводит следующие данные: «Что касается Юровского, то это был малограмотный человек. Я утверждаю это, поскольку имеются многочисленные документы, написанные его рукой (архив РЦХИДНИ). В 1920-х годах, когда Юровский был одним из руководителей Гохрана, он писал безграмотные докладные записки Ленину о хищениях, имевших там место (после проведения ревизии 19 человек были расстреляны, 65 получили различные сроки наказания). В то же время отметим личную честность этого человека. Юровский передал все наиболее значительные ценности коменданту Кремля Малькову. В перечне вещей, которые он передавал, указаны не только драгоценности, но и детские вещи, что свидетельствует о его щепетильности» [4, с. 56]. Последняя фраза из цитаты совсем не обязательно указывает на сугубо личностные истоки «щепетильности» Юровского. Нельзя исключить вероятность того, что он, например, получил чьи-то указания «быть предельно честным и щепетильным», чтобы заслужить доверие В. И. Ленина, а возможно, и кого-то еще.

В сборнике документов следствия Н. А. Соколова имеется целый раздел объемом в 20 страниц, состоящий из материалов к биографии Юровского. Вот, например, его анкета, заполненная им лично:

Всесоюзное общество старых большевиков.
Анкета для вступления в члены общества.

Фамилия *Юровский*
Имя и отчество *Яков Михайлович*
1. Год рождения *1878*
2. Национальность *еврей*
3. Социальное положение до революции (*рабочий, …*)
4. Основная профессия и специальность до революции *часовщик*
5. Образование (какую школу окончил):
общее *Не законч. 2-го отд. начальн. шк.*
специальное (технич. и пр.) политическое
<…>

12. Какую партийную работу выполняете в настоящее время *Парт. прикреплен к партгруппе т. Короткова парткол. ЦКК*

13. Были ли перерывы в партработе, по какой причине, с какого по какое время (указать подробно причины перерыва) *Работал по стольку по скольку* [так в книге. — *Авт.*] *был использован организац. Профессионалом я не был, был рядовым чл. парт. В Екатеринб. до февраля с организ. связаться не удалось. Идейно никогда не отходил. Кустарно-агитационной раб. не оставл., вел ее и в армии.*

14. Привлекались ли к суду за революционную работу, какому, где, когда, какой приговор *Нет*

15. Были ли в тюрьме, где, с какого по какое время *В г. Томске с 4 апреля по 4 мая 12 и с 5-го по 15-е мая того же года*

16. Были ли в ссылке, где, с какого по какое время *выслан в г. Екатеринбург с июня 1912 г. до февр. революции*

17. Каким еще подвергались репрессиям, где, когда *В <19>16 г. было предписание о высылке меня в Чердынский уезд. Не приведено в исполнение по случаю нахождения на военн. службе*

18. Были ли в эмиграции, где, с какого по какое время. Причины эмиграции. С какой организацией были связаны за границей *Нет*

<…>

20. Отношение к империалистической войне, работа во время нее *Пораженческое, агитац. раб. в этом направлении*

<…>

24. Основной источник средств существования (служба, пенсия и т. д.)

25. Место работы в настоящее время (название и местонахождение учреждения или предприятия, должность или род работы) *По состоян. здоровья постоянной работы не несу*

26. Домашний адрес (город, улица, № дома, № квартиры, № телефона) *Москва 9, Моховая 7, 4 д. ВЦИК кв. 1 т. 2-45-93*

Время заполнения анкеты *Декаб. 33 г.*

Подпись заполнявшего *Я. Юровский*

[5, с. 415–416].

Еще один важный документ, который также составлен лично Юровским, — его автобиография:

Автобиография члена партии с 1905 года Я. М. Юровского.

Партбилет Московской организации Сокольнического района № 0077219.

Родился в Сибири, в городе Томске в 1878 году. Отец мой был стекольщик, мать — домашняя швея. Учился в первоначальной еврейской-русской школе, второе отделение не закончил. На 8-м году я работал на дрожжевом заводе, потом у портного. На 11-м году меня отдали по контракту в часовой магазин, где проучился до 13-и лет. С 13 до 17 лет продолжал учение в гор. Томске у часового мастера. Затем работал подмастерьем в Тобольске, Томске и Екатеринодаре. В отдельные периоды работал кустарем. В 1897 году я начал борьбу за фактическое проведение в жизнь 12-ти часового рабочего дня среди часовщиков. [Некоторые факты из своей жизни Юровский в этой автобиографии утаил, о чем будет сказано ниже. — *Авт.*]

В 1904 году я стал посещать кружки и массовки в городе Екатеринодаре. В августе 1905 года, работая в г. Томске, оформил свою принадлежность к РСДРП (организация была <нрзб.>). В качестве рядового члена партии выполнял технические работы: хранение, распространение нелегальной литературы, изготовление паспортов, печати для

паспортов и для организаций, приискание квартир. Имел явочную квартиру у себя. Вел профессиональную и пропагандистскую работу среди ремесленников-рабочих. В 12 году 4 апреля был арестован, в середине мая был выслан этапным порядком, в порядке пункта 4 статьи 16 об усиленной охране в гор. Екатеринбург на все время последней, с запретом селиться в 64 пунктах России и Сибири. В 1915 году было предписание о высылке меня в Чердынский уезд Пермской губернии, но не было приведено в исполнение, так как я в это время был на военной службе. Февральская революция застала меня в Екатеринбурге на военной службе. С первых дней марта я вел агитационно-организационную работу советскую и партийную. … В середине 1919 года командирован ЦК на Урал, где был председателем губернской Чрезвычайной комиссии и заведующим Губсобесом до конца 1920 года. После этого работал управляющим организационно-инструкторского отдела НК РКИ. В 1921 году направлен ЦК в Государственное хранилище республики при НКФ, где работал в качестве заведующего золотым отделом, затем председатель отдела по реализации ценностей до конца 1923 года. Затем до 1924 г. заместитель директора завода «Богатырь». С 1924 по <19>26 г. заведующий отделом по улучшению госаппарата и зам. зав. Экономсекцией в МКК-РКИ. С конца 1926 г. по конец 1927 г. член правления треста точной механики, с 1927 по конец 1928 г. секретарь партячейки Русаковского трамвайного парка. С 1928 по конец 30 г. член правления, а затем директор Государственного политехнического музея.

Выборные должности. … Член Московской контрольной комиссии <19>24–25–27 и <19>28 гг. Член Сокольнического районного комитета ВКП(б) и кандидат в члены бюро. Член бюро ячейки ВКП(б) Государственного политехнического музея — последнее место работы.

Я. Юровский.
Москва декаб <19>33 г.

[5, с. 417–418].

Обратим внимание на то, что в период с конца 1920 г. до 1921 г., пускай и короткое время, Я. М. Юровский работал «управляющим организационно-инструкторского отдела НК РКИ», т. е. занимал достаточно высокий пост в этом наркомате Рабоче-крестьянской инспекции. А его прямым начальником в это время был не кто иной, как И. В. Сталин, который был наркомом РКИ в период с 24 февраля 1920 г. до 6 мая 1922 г. Поэтому Юровский мог сообщить (если бы, конечно, захотел, в чем имеются сомнения) многие подробности цареубийства лично своему начальнику еще задолго до визита Голощекина к Сталину в 1928 г. Но далеко не факт, что Юровский сообщал Сталину о своем участии в расстреле. Необходимо отметить, что в своей автобиографии Я. М. Юровский ни словом не обмолвился об участии в расстреле семьи Романовых. И возникает один очень интересный вопрос, который прошел мимо внимания других исследователей: почему в своей автобиографии, предназначенной для центрального аппарата Общества старых большевиков, Юровский не написал о своем участии в расстреле царской семьи, а на собрании периферийных членов того же общества он подробно рассказал об обстоятельствах расстрела и о своем участии в нем? О некоторых фактах биографии Я. М. Юровского, которые последний утаил в своей автобиографии и явно утаивал ранее, сообщают Ю. А. Буранов и В. М. Хрусталев: «Кое-что Юровский в автобиографии не сообщил. В одной из анкет указал на вопрос “Были ли перерывы в партработе” — “работал постольку поскольку был использован организацией, профессионалом я не был”. Выяснилось также (когда он вступал в Об-

щество старых большевиков), что в юности он был причастен к неумышленному убийству, а в 1912 г. писал "господину товарищу министра внутренних дел" из Екатеринбурга прошение, где доказывал свою полную непричастность к революционным делам и просил вернуть его обратно на место жительства в Томск. В одной из анкет Юровский точно указал, что в 1904 г. жил в Берлине» [6, с. 415][1].

Один из исследователей темы убийства Николая II, Ю. Григорьев, отмечал, что Я. М. Юровский в своих записках стремился скрыть некую тайну: «Юровский писал "Записки", выступал перед старыми большевиками. Разложил все по полочкам. Единственный из всех, кто корректировал свои воспоминания, убирая из них противоречия и несоответствия. Как мы убедились, одной из целей корректировки было стремление убрать даже возможность какого-то тайного события. Свою последнюю тайну он хранил как зеницу ока» [8, с. 179].

Ю. А. Жук упоминает о том, что «Я. М. Юровский даже стал выкрестом, приняв в начале века лютеранскую веру» [9, с. 4]. И далее в той же книге Ю. А. Жук приводит сведения о Юровском: «Чистая правда то, что Я. М. Юровский (настоящее имя Янкель Хаимович Юровский, впоследствии Яков Михайлович, так как, приняв лютеранскую веру, он стал крещеным евреем) родился в 1878 г. в г. Каинске Томской губернии, равно как и то, что он был в Германии, куда, правда, не бежал, а был вынужден спешно выехать, увозя с собой жену некоего коммерсанта Маню Янке-леву» [так в книге, очевидно, должно быть «Янкелеву». — *Авт.*]» [9, с. 164].

Можно процитировать слова Юровского, сказанные им о расстреле семьи Романовых на уже упомянутом совещании 1 февраля 1934 г.: «До революции в ряде стран Европы оглашение этого прямо или косвенно ничего кроме вреда принести не может» [9, с. 85]. Зададимся вопросом: какие «революции» и в каком именно «ряде стран Европы» мог предусматривать Юровский 1 февраля 1934 г.? Все европейские «революции» конца 1910-х — начала 1920-х годов быстро и бесславно закончились более чем за десять лет до «нарочито узкосозванного собрания». И здравые головы в руководстве ВКП(б) давным-давно перестали надеяться на такие «революции». Хотя в пропагандистских целях о них и говорили. Поэтому приведенные слова Я. М. Юровского должны были звучать не очень убедительно, тем более для «старых большевиков», которые должны были понимать текущую политическую ситуацию в мире. А через какое время Юровский собирался огласить сообщенные им сведения? Представляется, что, скорее всего, Юровский участвовал в совещании 1 февраля 1934 г. с целью не скрыть, а именно «огласить» тщательно созданную информацию, но только среди определенных «нарочито отобранных» людей.

Сохранились сведения о том, что Я. М. Юровский был известен В. И. Ленину. Ю. А. Буранов и В. М. Хрусталев в своей книге опубликовали документ, озаглавленный ими «Запись беседы В. И. Ленина с Я. М. Юровским о положении дел в Гохране 16 мая 1921 г.» [6, с. 431]. По мнению этих авторов, опубликованный ими документ «фиксирует факт, видимо, единственной встречи Ленина с цареубийцей (автограф вождя в подлиннике не имеет заголовка). Текст свидетельствует о том, что Ленин мало знал о Юровском. (Его интересовали прежде всего факты, связанные с обнаруженными Юровским хищениями в Гохране.) Возможно, вопросы, связанные с екатеринбургской трагедией, и были заданы, но остались "за кадром" единствен-

[1] См. об этом также: [7].

ного сохранившегося (из нам известных) ленинского листа-записи. Впрочем, конспиративность вождя, его прагматизм описаны в литературе» [6, с. 431][2].

На этом листе-записи приводятся некоторые биографические данные Я. М. Юровского, а также данные о людях, знавших его по работе:

> Знает его и Голощекин, и Сосновский, и Смилга по Уралу, и Серебряков, и Крест[инск]ий.
>
> Род[ился] в Томске. Часовщик с 11 лет до 1911 года. Специально ювелиром он не был, работал в ювелирном магазине.
>
> 1919. Ек[а]т[е]р[ин]бург — предгубчека
>
> 1920 Москва в Н[ародном комиссариате] Ра[боче]-Кр[естьянской] ин[спекции] (VIII 1920)
>
> Чл[ен] Р[оссийской] К[оммунистической] п[артии] с 1905 до 17.X.
>
> Томск 1905–1911
>
> Выслан в Екатеринбург 1911–1918
>
> Москва 1918 М[осковская] Ч[резвычайная] К[омиссия] (В[сероссийская] Ч[резвычайная] К[омиссия] — Дзерж[инский] и др[угие] знают)
>
> Адм[инистративный] отдел Моск[овского] совета 1919.
>
> 9/XI-1920.
>
> [6, с. 432].

Из этих заметок можно понять, что Ленин ранее, до 1921 г., ничего не знал о Юровском и не встречался с ним. Поэтому предположения некоторых авторов относительно того, что в июле 1918 г. Юровский докладывал Ленину о расстреле Романовых, следует считать неубедительными. Но текст документа Ленина не подтверждает однозначно факт личной беседы между Лениным и Юровским. Не исключается, что документ представляет собой не «запись беседы», а письменные заметки Ленина, сделанные в процессе ознакомления с докладной запиской Юровского по поводу недопустимой работы Гохрана. Ленин также ничего не пишет о работе Юровского в Екатеринбургской ЧК в 1918 г. Но здесь же Ленин пишет о работе Юровского в Московской ЧК и Екатеринбургской ЧК, соответственно, в 1918 и 1919 гг.

О втором человеке, который, по мнению ряда лиц, имел непосредственное отношение к появлению «воспоминаний Юровского», можно найти меньше сведений. Это известный историк, академик Михаил Николаевич Покровский. Через 8 лет после его смерти в первом издании «Большой советской энциклопедии» появилась обширная статья, посвященная М. Н. Покровскому [10]. В данной статье содержится много политических оценок его деятельности, которые для 1939–1940 гг. носили весьма негативный характер. Приведем некоторые из сведений: «В 1907 он был делегирован на V съезд РСДРП в Лондон, где был избран членом большевистского центра. Ведя партийную работу, П. перешел на нелегальное положение, некоторое время жил в Финляндии, а затем переехал во Францию, где прожил с 1909 по 1917… В Париже П. примкнул к созданной в 1909 Богдановым антипартийной группе “Вперед”, к-рая объединила различные антибольшевистские элементы… В 1910 П. преподавал в организованной этой группой Болонской партийной школе,

[2] В книге указанных авторов имеется ссылка на нахождение документа в архиве: «РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 601. Л. 1. Автограф В. И. Ленина» [6, с. 432].

к-рая готовила кадры для борьбы с ленинизмом. Весной 1911 П. вышел из группы "Вперед", но, покинув впередовцев, он сблизился с поддерживавшим меньшевиков-ликвидаторов врагом партии — Иудушкой-Троцким. П. сотрудничал в троцкистской газете "Наше слово" и в издательстве "Парус"… Ленин и большевики, по совершенно ошибочному мнению Покровского, до апреля 1917 якобы никогда не ставили вопроса о перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую… Таким образом, в этом вопросе П. искажал действительную позицию Ленина и смыкался с фальсификаторами истории большевизма… Совершенно неверно у Покровского представление о послеоктябрьском периоде истории нашей страны» [10, с. 858–867].

Особо подчеркивалось, что ошибок у Покровского в его работах было гораздо больше, чем упомянуто в статье: «Этот далеко не полный перечень ошибок П., допущенных им в его основных работах, говорит о том, что П. не был последовательным марксистом-ленинцем» [10, с. 867].

В статье упоминались и некоторые положительные, с позиций авторов того периода времени, моменты в деятельности М. Н. Покровского: «Одним из положительных моментов в общественно-политич. деятельности П. являются его выступления против врага народа Троцкого. В 1922 и в 1925 П. резко выступил против троцкистской, контрреволюционной трактовки русского самодержавия как надклассовой диктатуры, трактовки, при помощи к-рой заклятый враг советского народа Троцкий хотел оправдать контрреволюционную теорию так наз. "перманентной революции"» [10, с. 867]. Но отмечаемые в статье С. Ковалева некоторые положительные моменты явно не могли составить конкуренцию многочисленным политическим и научным недостаткам в деятельности Покровского.

Далее следует весьма грозная фраза, относящаяся уже не столько к самому покойному М. Н. Покровскому, сколько к его живым ученикам: «После смерти П. его ошибочные взгляды продолжали владеть умами многих историков СССР» [10, с. 868].

Статья о М. Н. Покровском в целом носит явный характер посмертного сведения счетов, имея форму политического доноса. Очевидно, что все ее содержание является отражением взглядов И. В. Сталина на исторические взгляды М. Н. Покровского. Это можно понять хотя бы из такой фразы в цитируемой нами статье: «ЦК ВКП(б) и лично т. Сталин повели решительную борьбу против ошибочных взглядов П. и его "школы" и мобилизовали советских историков на создание подлинной марксистской историч. науки в СССР» [10, с. 868]. Очевидно, что, доживи М. Н. Покровский до 1937 г., его могли бы поджидать весьма серьезные последствия.

На итогах борьбы с историческими взглядами М. Н. Покровского, проводившейся в середине 1930-х гг., стали воспитываться все будущие управленческие кадры СССР, в том числе самых высоких звеньев. Так, С. М. Семанов писал: «Он [Ю. В. Андропов. — *Авт.*] был неглуп и очень осмотрителен. И хоть не получил гуманитарного образования, но знал, что русскую историю уже начали преподавать не по русофобским учебникам Покровского. Не мог не видеть, что на экраны страны вышли патриотические кинофильмы об Александре Невском, Петре Первом, Минине и Пожарском, что поношение русской культуры как "отсталой" кончилось. И наконец, он замечал, с каким ликованием встречает эти перемены весь народ. И он сделал соответствующие выводы. Надолго» [11, с. 27].

Еще в 2008 г. В. В. Петров и Г. Б. Егоров опубликовали статью, в которой подвергли детальному исследованию воспоминания Я. М. Юровского об участии последнего в расстреле семьи императора Николая II [12]. В статье анализируются воспоминания Юровского с точки зрения их фактического содержания. В целях сокращения объема настоящей работы авторы вынуждены ограничиться воспроизведением лишь небольшого фрагмента указанной статьи:

> В феврале 1934 г. призывы со стороны Юровского скрывать эти сведения [об обстоятельствах расстрела не только Николая II, но и других лиц вместе с императором. — *Авт.*] выглядят очевидно чрезмерно запоздалыми, да еще с учетом сообщения о гибели всей царской семьи, опубликованного в ленинградской «Красной газете» в конце декабря 1925 г.
>
> Проведенный анализ воспоминаний Я. М. Юровского позволяет нам прийти к некоторым кратким выводам:
>
> 1. Воспоминания Я. М. Юровского, оформление которых относится к различным периодам, являются во многих своих моментах взаимно противоречивыми. Кроме того, там описываются события, которые, по логике их развития, не могли происходить в действительности либо могли происходить, но с иной фабулой, нежели та, которая описывается.
>
> 2. Представляется, что истинным автором воспоминаний является не Я. М. Юровский и не академик Покровский, а некое третье лицо или же лица. При этом формирование воспоминаний происходило путем их «подгонки» по отношению к уже известным к тому времени материалам следствия Н. Соколова.
>
> 3. Весьма вероятно, что свое выступление на совещании старых большевиков 1 февраля 1934 г., если таковое вообще имело место в действительности, Я. М. Юровский читал по заранее написанному для него другим лицом тексту. А в этот текст были внесены исправления по отношению к тексту «Записки Юровского».
>
> Разбору причин, которые, на наш взгляд, вызвали необходимость составления различных вариантов воспоминаний Юровского, мы посвятили отдельную статью.
>
> [12, с. 65].

Упоминавшийся выше Ю. Григорьев пришел к выводу о том, что Я. М. Юровский в ряде случаев описывает как очевидец те события, которые он на самом деле видеть никак не мог: «Итак, мы окончательно установили: Юровский на машине Люханова не был, события первой половины дня 17 июля в лесу им либо полностью выдуманы, либо известны со слов тех, кто действительно был в лесу. Остается только недоумевать, почему исследователи до сих пор видят в "Записке" серьезный документ? Почему "Записка" вызвала такое доверие у следователя Генпрокуратуры В. Соловьева?» [8, с. 232].

Автор книги «Последний император России. Тайна гибели» объясняет появление записки Юровского, как и выступление последнего в феврале 1934 г., деятельностью по заданию чекистов: «Но почему же тогда сам Яков Михайлович Юровский ведет себя и вовсе непонятно? Почему он опровергает все, сказанное Голощекиным, Белобородовым и рядовыми исполнителями? Почему он заявляет: трупы зарыты практически целыми и невредимыми. И более того: прямо указывает место сокрытия. Почему Юровский не хранит тайну? И почему его примеру последовали Ермаков, Кудрин, Родзинский, Сухоруков?

Уже в 1920 г. Юровский пишет (или с его слов записывает Покровский, сейчас это не имеет значения) свою известную "Записку", где не только излагаются подробности операции, но и указывается точное место сокрытия останков: мостик

из шпал в Поросенковом логе. Что должна была сделать с болтунами советская власть — гадать не приходится.

Но власть не арестовала Юровского, не поставила за измену к стенке. Почему? Объяснение такой снисходительности может быть только одно: "Записка" была звеном масштабной операции по созданию новой официальной, а следовательно — от начала до конца лживой версии тех событий, которую готовили "на потом". Юровский, диктуя Покровскому "Записку", выполнял официальное чекистское задание, а за хорошо выполненное задание славная спецслужба расстреливала не всегда и не всех. Потому и уцелел Яков Михайлович. Потому и разродился в 1934-м новой, подшлифованной версией событий. Выступая в Свердловске перед ветеранами, Юровский изложил обстоятельства расстрела и сокрытия трупов еще более подробно и красочно, чем в первом варианте» [8, с. 248–249]. Все это было бы хорошо, но имеется одно обстоятельство, которое прошло мимо внимания уважаемого Ю. Григорьева, равно как и тех, кто разделяет «чекистскую» версию появления воспоминаний Юровского. Ни один из многочисленных историков отечественных спецслужб не опубликовал в открытой печати данных, которые подтвердили бы версию об «официальном чекистском задании».

«А тут подоспели первые книги. В Советском Союзе их внимательно изучили. И обнаружили, что в следствии, проведенном Наметкиным, Сергеевым и Соколовым, есть пробелы и недостатки, которыми можно и нужно воспользоваться. Отметили, что белым не удалось получить свидетельских показаний тех, кто с 17 по 19 июля занимался "сокрытием" трупов. А еще обратили внимание на "мостик" в Поросенковом логе. Н. Соколов его описал, сфотографировал, но под сам мостик не заглянул. Еще заметили, что Н. Соколов установил: уезжавшая от шахты машина в ночь с 18 на 19 июля простояла в Поросенковом логе несколько часов, за это время там построили тот самый "мостик". Установил, но это его не заинтересовало.

Так была найдена возможность реабилитации. Юровскому объяснили, что и как надо написать. На свет появился первый вариант "Записки". Она была засекречена и не предназначалась для немедленной публикации. Время обнародовать факты еще не пришло. Параллельно под "мостиком" создается то самое захоронение, которое в нужное время обнаружат Рябов и Авдонин. Потом сочиняется второй вариант "Записки" (1934 г.). В 1964 г. на радио записывают воспоминания Никулина, Кудрина, Родзинского. Все это делалось не торопясь (торопиться было некуда). Для "открытия века", как скромно назвал свой труд А. Авдонин, все было готово еще до войны. Но поскольку время не торопило, с "открытием" тоже не спешили. Считали, что теперь самое главное — правильно выбрать момент для "открытия". Допускали, как я думаю, что такое время может и не наступить. Но не огорчались. Потому что были готовы к любому развитию событий» [8, с. 250–251].

Ю. Григорьев обращает внимание на то обстоятельство, что и сам Юровский, и другие его соратники противоречат друг другу по одному вопросу: что происходило первым во время захоронения Николая II и членов его семьи — обливание трупов кислотой или их помещение в яму на дороге? И объясняет противоречия в воспоминаниях этих людей: «Юровский в "Записке" рассказывает, что трупы сначала сложили в яму. Потом облили кислотой. В воспоминаниях 1934 г. все происходит с точностью до наоборот: сначала трупы облили кислотой, потом опустили в яму. У Родзинского трупы сначала обливают кислотой, потом опускают

в трясину. У Кудрина — наоборот: сначала трупы погрузили в трясину, потом полили кислотой. Имеют ли эти расхождения какое-либо значение? Имеют. И очень большое. Выдуманные истории, призванные замаскировать, исказить истинный ход имевших место событий, отличаются от подлинных именно деталями. Именно на противоречиях в деталях грамотные следователи уличают сговорившихся преступников. Юровскому и прочим объяснили: рассказывать надо, что трупы зарыты в Поросенковом логе. Предупредили: не забудьте сказать, что обливали их кислотой. Умолчать про кислоту было невозможно. Казалось, что предусмотрели все, растолковали всю последовательность событий. Но все абсолютно предусмотреть невозможно. И такая, казалось бы, мелочь — что было сначала: опускание трупов в яму или обливание их кислотой — оказалась упущенной. И заставила авторов воспоминаний отвечать наобум. Отсюда и разноголосица» [8, с. 276–277].

Далее автор продолжает: «Ничего не остается, как заключить: нет, кабель прошел через захоронение **не случайно** [выделено в книге. — *Авт.*]. И **не случайно** место прокладки кабеля никак не отмечено. Кабель проложили прямо через шпалы **умышленно.** И я считаю: прокладка кабеля неизвестно откуда неизвестно куда и неизвестно зачем, выполненная с грубейшими нарушениями порядка проведения такого рода работ, была не чем иным, как маскировкой создания захоронения, впоследствии "обнаруженного" Рябовым и Авдониным» [8, с. 283]. Но данное обстоятельство может иметь и другое объяснение.

В конце гл. 5 своей книги Ю. Григорьев пришел к следующим выводам, которые заставляют усомниться в том, что события, описанные в воспоминаниях Юровского, соответствуют происходившему в действительности:

> Выводы из главы 5.
>
> 1. Захоронение под мостиком в Поросенковом логе, обнаруженное Г. Рябовым и А. Авдониным, — фальсификация.
>
> 2. Команда Юровского в ночь с 18 на 19 июля за имевшееся в ее распоряжении время НЕ МОГЛА [здесь и далее слова написаны прописными буквами в тексте книги. — *Авт.*] вырыть в болоте яму, пригодную для захоронения девяти тел.
>
> 3. За это же самое время они НЕ МОГЛИ успеть сжечь два трупа.
>
> 4. Извлечение трех черепов из захоронения в Поросенковом логе группой А. Авдонина — инсценировка. Извлечь из скопления костей в болотистой жиже вслепую за три попытки три черепа вместе с нижнечелюстными костями, если на них нет мягких тканей, НЕВОЗМОЖНО. Вероятнее всего, это «обнаружение» и «извлечение» трех черепов с последующим их захоронением обратно, но в ящике, было вызвано необходимостью подложить в могилу недостающие черепа.
>
> 5. На искусственный характер захоронения указывает и проложенный сквозь него кабель. Кабель нарушил расположение костей по краю захоронения, но при этом шпалы и их полусгнившие остатки поверх захоронения лежали в полном порядке.
>
> 6. Захоронение находится в болоте. Трупы, захороненные в болоте, НЕ ГНИЮТ и НЕ РАЗЛАГАЮТСЯ. Они подвергаются ТОРФЯНОМУ ДУБЛЕНИЮ. На извлеченных из захоронения останках признаков торфяного дубления нет. Сохранившиеся мягкие ткани на останках имеют признаки преобразования в ЖИРОВОСК. В болотистой почве образования жировоска не происходит.
>
> 7. Торфяное дубление и жировоск — взаимоисключающие процессы. Они не могут протекать одновременно.
>
> [8, с. 289–290].

Ю. А Буранов и В. М. Хрусталев считают, что сам Юровский явно не мог самостоятельно написать свои воспоминания без помощи историка Покровского. И считают «записку» Юровского, как и воспоминания последнего, датируемые 1922 г., «столпом» дезинформации: «Сохранился подлинник-автограф записки, составленный рукой известного историка М. Н. Покровского. Отметим, что Юровский был малограмотен: не составляет труда (по сохранившимся его другим запискам) доказать, что сам он без Покровского такую записку самостоятельно составить не мог. Поэтому, поставив под сомнение "записку" Юровского (включая его машинописные материалы, подписанные им в 1922 г.), авторы оставляют за собой право считать ее одним из "столпов" дезинформации Екатеринбургской трагедии 1918 г. Кстати, сомнение в ее подлинности у одного из авторов данной работы возникло еще в 1992 г. (выступление на научной конференции в Екатеринбурге)» [6, с. 364]. Действительно, Ю. А. Буранов и ранее писал относительно авторства Юровского: «Начиная с 1992 г. мне неоднократно приходилось утверждать через СМИ, а также в книгах, что "записка" Юровского является весьма умелой дезинформацией. Ее автором является академик М. Н. Покровский. В апреле 1932 г. архив умершего историка был изъят и надолго засекречен» [13, с. 99–100].

Ю. А. Буранов и В. М. Хрусталев так объясняют мотивы, по которым они цитируют «записку», являющуюся, по их же утверждениям, фальсификацией: «Здесь, наконец, читатель вправе спросить: почему авторы, цитируя "записку" Юровского (в изложении Покровского), пользуются (по их убеждению) фальсификацией? Ответ прост. Нет ни одной "записки" (пока не обнаружено), подписанной им датой 1920 г. Более же поздние его "мемуары" (хранящиеся в "президентском архиве") подписаны в 1922 г. К этому времени он имел не только "свои" чекистские материалы, но и книгу М. К. Дитерихса и др., основанные на материалах следствия Н. А. Соколова. Поэтому действовать (но не афишировать свои поступки) он мог, как ему хотелось. Несомненно, его "мемуары" — образец дезинформации. Именно она давала на далекое будущее простор и для следующих поколений фальсификаторов. Поэтому только как пример явной дезинформации, мы и приводим "записку" в данной работе» [6, с. 368].

В 1998 г. были опубликованы материалы беседы с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой, являющейся вдовой Тихона Николаевича Куликовского-Романова, родного племянника Николая II, скончавшегося 8 апреля 1993 г. в Торонто (Канада). В своем интервью О. Н. Куликовская-Романова, в частности, упомянула о том, что Священный синод Русской православной церкви занял позицию приверженности поискам истины в вопросе о найденных под Екатеринбургом останках, а также сформулировал десять вопросов, требующих своего разрешения. «В результате этой позиции Церкви на заседании Комиссии 15 ноября 1995 г. были сформулированы следующие вопросы, которые требуют дополнительных исследований: … 5. Экспертиза записки Юровского (графологическая, стилистическая)» [14, с. 12–27]. К настоящему времени уже достаточно давно проведена почерковедческая экспертиза записки Юровского, которая в беседе названа «графологической». Следует полагать, что «стилистической» в цитируемой беседе, очевидно, был назван вид экспертизы, известный в криминалистической литературе как автороведческая. До настоящего времени в доступной для изучения литературе не удалось обнаружить сведений о том, что записка Юровского

исследовалась криминалистами методами именно автороведческой экспертизы [15, с. 221–228].

Еще в 1998 г. стало широко известным обращение ряда лиц в Священный синод Русской православной церкви. В этом обращении было, в частности, написано следующее: «Следствие замалчивает роль "Записки Юровского" в открытии захоронения. Это — не случайно. Г. Т. Рябов заявлял неоднократно, что захоронение найдено благодаря "Записке Юровского". Однако "Записка Юровского", которой располагал Г. Т. Рябов, была получена им от сына Я. М. Юровского. Это очень важно потому, что в этом экземпляре "Записки" рукописных абзацев о месте захоронения нет» [15, с. 226].

Тогда же сформировалось весьма критическое отношение к захоронению как таковому: «Появившаяся в последнее время информация о сенсационной находке Царской могилы и последующие генетические экспертизы являются, как нам кажется, пока неподтвержденной историко-документальной информацией. Возможно, это кем-то спланированная акция и продолжающаяся игра с королевской фамилией одной из великих европейских держав, начатая еще в 20–30 годы» [6, с. 387][3]. Намек более чем прозрачный. У каких «великих европейских держав», пусть даже в 1920–1930-е годы, имелись «королевские фамилии»? У Франции — давно уже, с 1870 г., не имелось. Германия с июля 1919 г. была «Веймарской республикой». В Европе того периода было много монархий, больше, чем стран с республиканской формой правления. Но можно ли отнести эти монархии к «великим»? Испания, Португалия, Румыния, Венгрия, Болгария, Греция, Югославия (в 1920-х годах — Королевство СХС), Албания, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Дания? Вряд ли они подходят к определению «великие европейские державы». Тем более к ним совсем уж не отнесешь такие государства с монархической формой правления, как Андорра, Лихтенштейн, Люксембург, Монако. Формально к королевствам в этот период относилась Италия, но ее тогда тоже вряд ли кто-то в мире безоговорочно относил к «великим европейским державам», хотя Муссолини как раз пытался, пускай и тщетно, воссоздать Итальянскую империю. Остается только Великобритания, которая идеально подходила тогда и сейчас подходит к определению «великая европейская держава, имеющая королевскую фамилию». Поэтому перед нами возникает еще один немаловажный вопрос: кто вел данную игру и кто является автором этой «кем-то спланированной акции», которая явно имеет «долгоиграющее» значение?

Здесь можно вспомнить слова Юровского, которые, если верить стенограмме, он произнес на совещании старых большевиков 1 февраля 1934 г.: «Вот почему я считаю совершенно необходимым предупредить всех участников данного нарочито узкосозванного собрания запомнить, что все это ТОЛЬКО ДЛЯ ИСТОРИИ. И без ведома ЦК этот материал использован быть не может, и никому не по секрету, не архисекрету, не рассказывать, а выйдя отсюда сейчас же забыть о нем» [5, с. 420]. При прочтении данного отрывка сразу же возникает ряд вопросов.

1. Кто дал право Юровскому, который «по состоянию здоровья постоянной работы не нес», о чем уже нами было написано выше при анализе его биографии, говорить от имени ЦК ВКП(б)?

[3] См. также об этом: [7].

2. Если рассказанное Юровским такой большой секрет, то почему он поехал в Екатеринбург докладывать об этом, а не написал совершенно секретную записку в тот самый ЦК ВКП(б)?

3. Неужели самый лучший способ сохранения тайны — рассказывать что-то, хотя бы и в узком кругу, а не написать в единственном экземпляре свои «воспоминания» и не сдать их на спецхранение?

4. Почему не было сделано списка присутствующих на этом «нарочито узкосозванном собрании»? Ведь если кто-то спустя уже несколько месяцев нарушит тайну этого собрания и разгласит то, что на нем говорилось, то нельзя будет утверждать, что он вообще там был. Если же такой список имеется, то почему он до настоящего времени никем не опубликован?

На этом совещании, если верить стенограмме, Юровским были сказаны и такие слова: «Так как этот акт был актом сугубо политической важности, то все это дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину, на которого и была возложена ответственность за согласованное решение этого вопроса, так как сторонников сепаратного решения этого вопроса в Уральской областной организации было немало, в самый начальный период пребывания бывшего царя Николая в Екатеринбурге. Причем речь, разумеется, шла о принципиально политическом, а не только и не столько о практическом разрешении этого вопроса» [5, с. 420]. Прочитайте эти строки и попробуйте понять, какую мысль такими словами хочет здесь донести до слушателей выступающий.

Далее Я. М. Юровский якобы сказал: «Мое непосредственное отношение к дому особого назначения, где содержался бывший царь Николай с семьей, начинается 4-го июля 19-года [так в книге. — *Авт.*], вернее, даже 16-го уже кончается, так как 16-го вечером, точнее ночью, Николай, семья, а также оставшаяся при них челядь были расстреляны» [5, с. 422]. И снова появляется вопрос: если «все это дело было поручено пользовавшемуся особым доверием ЦК тов. Филиппу Голощекину», а Юровский был причастен к «делу» всего 12 дней, то тогда почему на собрании слушали Юровского, а не потребовали вызывать и заслушать Голощекина?

Юровский заострил внимание слушателей на таком, казалось бы, бесспорном для того времени обстоятельстве: «Ведь не случайно же о ликвидации семьи, когда, где и как она ликвидирована нами, нигде не сказано. Не говорим мы об этом еще и теперь. А что это так, можно, например, видеть из передовой “Правды” конца 1933 г., относящейся к открытию Уралмаша. Там сказано, примерно так: “Завод построен на пустыре, вблизи Екатеринбурга, где был расстрелян бывший царь Николай” и все. О семье ничего, т. е. по случаю открытия Уралмаша сказано то же, что и в <19>18 году, только о Николае» [5, с. 420–421]. Но в этом месте Я. М. Юровский был явно не в ладах с историей вопроса. Или, что также возможно, просто не хотел обнаружить свое знание. Ведь, как уже говорилось выше, сведения о расстреле не только Николая II, но и членов его семьи были опубликованы в ленинградской «Красной газете» еще в конце декабря 1925 г. В следующем 1926 г. сам знаменитый историк профессор М. Покровский опубликовал в издании, предназначенном для широкой публики, следующие строки об императрице Александре Федоровне: «К началу 1917 “существовало опасение, что царицу могут убить; ее не

любили ни в войске, ни в тылу" (Протопопов). А так как дело было во время войны, то антипатия к царице приняла соответствующую окраску: А. Ф. — "немка", "шпионка" и "изменница"… Суть дела, конечно не в этой "измене" (не столько России, сколько Антанте, Англии и Франции), а в том, что царица была верной "опорой правых кругов" (Протопопов), что она была у трона Романовых представительницей самой мрачной реакции, что ее влиянием держались такие черносотенные фигуры, как Штюрмер, Щегловитов и т. п. ***Вот почему она по заслугам разделила судьбу своего мужа 16 июля 1918*** [выделено нами. — *Авт.*]» [16, с. 168–170]. Отсюда явно видно, что 16 июля 1918 г. были расстреляны и император, и императрица. А в 1939 г. в т. 42 того же издания было опубликовало коротко, без подробностей, но вполне ясно и недвусмысленно: «3(16)/VII 1918 при приближении к Екатеринбургу чехословацких контрреволюционных войск Н. II со всей семьей был расстрелян» [17, с. 137].

Ну и в чем же, по Юровскому, должна была заключаться «особо важная тайна», которую нужно бережно хранить вплоть «до победы революции в ряде европейских стран»? В месте захоронения? Или в том, что вместе с семьей Николая II расстреляли четырех его слуг? Обратим внимание на дату выступления Юровского (1 февраля 1934 г.) и на дату сдачи т. 42 в производство (8 февраля 1938 г.). Последнее означает, что материал т. 42 и, в частности, статья о Николае II были написаны еще ранее последней даты, т. е. ранее 8 февраля 1938 г. Так что же изменилось с секретностью всего за 4 года? И почему сведения о расстреле всей семьи Николая II в 1934 г., по словам Юровского, были сугубой тайной, а в 1938 г. перестали быть таковой?

Н. Росс отметил имеющиеся, по его мнению, недостатки следствия по делу об обнаружении останков в Поросенковом логу: «С самого времени "открытия" останков Царской Семьи Гелием Рябовым и Александром Авдониным постоянно испытываешь чувство, что в "Царском Деле" ходом исследований руководят не биологи, археологи, историки, судебные врачи или следователи-профессионалы, а какие-то неясные и неподконтрольные общественности личности. Они используют бесспорные заключения специалистов по своему личному усмотрению и стремятся как можно ограниченнее предавать гласности ход и результаты расследований. Но система контроля прогнила насквозь, специалисты не всегда послушны, журналисты проворны, и то и дело происходят незапланированные утечки информации. А на них затем приходится реагировать, скрепя сердце, различным официальным лицам, публично соглашаться с уже и так известным. Создается неприятное впечатление, что признается лишь то, что не удалось утаить» [18, с. 29].

По мнению Е. В. Марьяновой, автором «записки Юровского» на самом деле является историк, академик Покровский, сочинивший ее в конце 1920-х — начале 1930-х годов Е. В. Марьянова связывает появление записки с дезинформационными целями, в расчете пустить по ложному пути будущее следствие. А в целом вокруг событий, связанных с захоронением, имеется много лжи: «В конце 20-х — начале 30-х годов профессор М. Н. Покровский, бывший директор спецархива "Истпарт", сочинил так широко известную теперь "записку Юровского". В ней сообщалось о якобы проведенном захоронении трупов Царской Семьи под Коптяковской дорогой рано утром 19 июля 1918 г. Цель этой дезинформации — запутать следы преступления, сбить с толку будущее следствие и повести его работу по ложному пути. Эта цель была достигнута в наши дни.

В 1946 г. по приказу Л. П. Берии могильник вскрывался. Об этом рассказал в 1952 г. П. Ермаков, а в 1995 г. об этом же было сообщено в Екатеринбургской газете "Новая хроника" (№ 3, 3.11.1995 г.).

В 1975 г. в Екатеринбурге побывал министр внутренних дел Н. А. Щелоков. На следующий год, 1976-й, туда был направлен бывший его сотрудник, кинодраматург Г. Т. Рябов для осмотра дома Ипатьева. А в 1977 г., по приказу секретаря Свердловского Обкома КПСС Б. Н. Ельцина, Ипатьевский дом был снесен. Этот дом еще хранил улики преступления 1918 г., их раскрытия боялись.

В 1979 г. Г. Т. Рябов вместе в А. Н. Авдониным тайно вскрыли Коптяковское захоронение, изъяли из него (по их утверждению) три черепа, а в 1980 г. вернули их на место. Начался новый виток лжи» [19, с. 141–150].

В открытом обращении участников научной конференции «Царское дело и екатеринбургские останки» к Президенту России, датированном 3 декабря 1997 г., имеются такие строки: «Некоторое время назад общественности стало известно (специалисты знали об этом и раньше) о существовании 10 томов из старых архивов КГБ, в которых содержатся сведения о том, что захоронение в районе Коптяков было организовано ЧК в 1919 г. и НКВД в 1946, с далеко идущими целями» [20, с. 233–237].

Об этом же написал в своей книге доктор медицинских наук, профессор В. Л. Попов: «ПОСЛЕДНЯЯ СЕНСАЦИЯ. В Екатеринбурге стало известно о существовании 10 томов из старых архивов КГБ. В них содержатся сведения о том, что захоронения в районе Коптяков были организованы НКВД в… 1946 году… (!?)» [21, с. 231].

Здесь представляется целесообразным прокомментировать процитированных выше В. Л. Попова, Е. В. Марьянову и «Открытое обращение…». В 1946 г. НКВД существовало только до марта, когда все наркоматы, в том числе и внутренних дел, были реорганизованы в министерства. Поэтому если НКВД что-то и делало с захоронением, то только до марта 1946 г., а после этого срока делать что-то могло только МВД. Кроме того, в 1946 г. Л. П. Берия вряд ли что-то мог делать. Ведь еще в декабре 1945 г. с поста наркома НКВД он был «переведен на другую центральную работу». В то время никому не было известно, что за этой формулировкой скрывается руководство проектом по созданию в СССР атомного оружия. Но в рамках реализации «атомного проекта» не имелось лиц, которые занимались вопросами, связанными с расстрелом Николая II, его семьи и слуг. Наконец, возникает такой вопрос: неужели нищему пенсионеру Ермакову в период с 1946 по 1952 г. кто-то сообщал о содержании приказов Л. П. Берии, которые практически все носили секретный и совершенно секретный характер?

В своей книге Ю. Григорьев пишет о невозможности выкопать в Поросенковом логе яму таких размеров за указанное Я. М. Юровским время и одновременно сжечь два трупа: «…если этап операции в Поросенковом логе начать в 4:30, то до утра яму не выкопать, шпал не натаскать. И трупы не сжечь. К семи утра, то есть за 2,5 часа, сжечь два человеческих тела на костре НЕВОЗМОЖНО. Если считать, что работа в Поросенковом логе началась около полуночи, то все равно времени для сожжения тел нет.

А для того, чтобы закопать трупы "под мостик", времени хватало? Если считать, что грузовик Люханова застрял в Поросенковом логе около полуночи, опи-

санную в воспоминаниях Юровского работу по сокрытию трупов, без сжигания, к утру можно было бы завершить. Но при одном условии: если грунт был, пользуясь категориями строителей, первой категории. То есть, песок. Если это была глина или каменистая почва, выработать два с половиной кубометра на одного землекопа за несколько часов НЕВОЗМОЖНО» [8, с. 272–273].

Ю. А. Буранов и В. М. Хрусталев задают вопросы о том, каким образом мог Г. Рябов обнаружить захоронение, и были ли вообще на этом месте захоронены останки: «В 1989 г. публикацией в "Московских новостях" кинодраматург Гелий Рябов объявил, что им найдены останки расстрелянной царской семьи. В связи с этим уместно поставить такой вопрос Гелию Рябову: не знал ли он содержание стенограммы 1934 г.? Если знал, так в чем же состояло тогда его открытие? Если не знал, то почему решил заглянуть именно под мостик? Таким образом, Юровский точно указал место захоронения, поскольку в книге Соколова действительно есть названная фотография. Есть при этом и подлинная карта в деле Соколова, и фото данного мостика. Но по-прежнему остается вопрос: а были ли там захоронены останки?» [6, с. 372].

В подробной беседе с Ольгой Игнатовой Андрей Кириллович Голицын дал свое видение обстоятельств, связанных с появлением записки Я. М. Юровского. При этом А. К. Голицын уделил внимание захоронению в Екатеринбурге:

> — Появившаяся записка Юровского меняла ранее устоявшееся мнение. Она как бы подводит последнюю черту и, бесспорно, определяет место захоронения и принадлежность найденных в нем останков царской семье. Это основополагающий документ, поэтому требовалась серьезная экспертиза самой записки.
>
> — Разве она не была проведена? Ведь стало известно, что записка эта составлена была вовсе не Юровским, который письменный русский не знал…
>
> — Да, это выяснилось в ходе работы комиссии. Кстати, оригинал записки комиссия так и не видела, хотя мы все очень настаивали, чтобы нам его показали. Сначала и следствие, и Радзинский, который записку обнаружил, утверждали, что она вышла из-под пера Юровского. Затем историк Буранов нашел в архиве оригинал той же самой записки, но составленной уже историком Покровским в 1920 г., т. е. через два года после расстрела Романовых, о котором всему миру поведал Юровский. И тогда очень быстро комиссия признала, что записку действительно писал Покровский, но под диктовку Юровского.
>
> — Ну почему же все-таки эта записка появилась лишь спустя два года после гибели Николая II и его семьи? Если в 1918 г. большевики действительно расстреляли царствующую фамилию, что же они пытались скрыть?
>
> — По поводу господина Покровского у меня есть несколько мыслей. Во-первых, это был видный член ВЦИК, главный историограф новой, Советской России. И в 1920 г., когда Гражданская война заканчивалась, советская власть понимала, что она удержалась, начинали возникать дипломатические отношения с европейскими государствами, нужна была какая-то членораздельная версия по поводу последнего русского императора. Поэтому историком Покровским была создана «официальная картина» произошедшего в Екатеринбурге. Я абсолютно уверен, что захоронение, которое было найдено под Екатеринбургом, более позднее. В 1918 г. там семью похоронить не могли.
>
> [22, с. 43–44].

Далее в беседе А. К. Голицын высказал свое соображение о том, что, возможно, имело место даже неоднократное захоронение останков. И привел солидарное с Ю. А. Бурановым и В. М. Хрусталевым мнение о том, что в 1918 г. захоронения

в Поросенковом логу не было: «Может быть, большевики и дважды перезахоронили останки. Но я абсолютно убежден, что в 1918 г. этой могилы не было. Вот когда уже стали разрабатывать версию расстрела семьи — Покровский стал разрабатывать, тогда-то, скорее всего, это место и определили как царскую могилу» [22, с. 22, 45].

В. Л. Попов призвал критически относиться к воспоминаниям Юровского и сформулировал свои предложения:

> Комиссия [Российская зарубежная экспертная комиссия под председательством Петра Николаевича Колтыпина-Валловского. — *Авт.*] пришла к убеждению о необходимости чрезвычайно осторожного отношения как к доказательствам ценности информации, родившейся в «коммунистическое» и «перестроечное» время, так и к лицам, бывшим источниками этой информации. Полагая, что встреча Рябова и Авдонина в 1978 г. носила неслучайный характер, комиссия акцентирует внимание на сомнительности утверждений обоих о том, что они «высчитали» точное место захоронения на основании «записки Юровского» 1920 г., материалов расследования Н. А. Соколова и М. К. Дитерихса. По этим источникам место захоронения «вычислить» было невозможно, так как ни Н. А. Соколов, ни М. К. Дитерихс захоронения, как такового, не нашли, а в «записке» 1920 г. эти сведения также отсутствуют.
>
> Возникает вопрос: откуда Рябов и Авдонин получили истинную информацию, если нужные сведения можно было почерпнуть только из «откровений» Юровского, сделанных им в 1934 г. и впервые опубликованных только в 1993 г. (!).
>
> В связи с этим необходима тщательная техническая экспертиза машинописного текста «записки Юровского» с целью установления времени появления этого документа, а также графическое (почерковедческое) исследование рукописных фрагментов текста «записки» для определения автора и исполнителя рукописного текста.
>
> Требуют методично-скрупулезного сравнительного анализа «свидетельства» всех участников расстрела и захоронения для выяснения причин противоречивого изложения одних и тех же фактов и эпизодов, непосредственными «свидетелями» которых они якобы были.
>
> [21, с. 210–211].

Далее В. Л. Попов ссылается на слова профессора Магеровского. «Профессор Е. Л. Магеровский: …Получается нечто весьма странное: находка места захоронения без помощи “Записки Юровского” — невозможна; а с другой же стороны… при наличии хотя бы частично опознанных останков, “Записка Юровского” объявляется ненужной… из-за того, что “Записка Юровского” до сих пор не была подвержена экспертизе и ее аутентичность не доказана, все время… “маячит” вопрос о фальсификации… известные американские специалисты-патологи, участвовавшие в работе с останками в Екатеринбурге… отводят ДНК довольно ограниченную роль в идентификации любых останков» [21, с. 222–223].

Заметим, что еще в 1996 г., т. е. двадцать лет тому назад, профессор В. Л. Попов в своей книге указал на ряд вопросов, которые, по его мнению, подчеркнем, заслуженно весьма авторитетному, следует задать относительно «Воспоминаний» Я. М. Юровского:

> 1. «Записка» Юровского и свидетельства других участников расходятся в изложении существенных фактов, в частности, в способе уничтожения и числе уничтоженных тел.
>
> В чем причина расхождения? Почему изначально отдано предпочтение версии Юровского? Почему не доказывалась предпочтительность версии Юровского?

2. «Воспоминания» (записка и т. п.) Юровского имеют несколько вариантов (1920, 1922, 1934). Варианты отличаются при изложении одних и тех же фактов.

Почему не проводился сравнительный фактологический анализ? В чем причина разного изложения одних и тех же фактов?

3. «Записка» Юровского 1920 г. состоит из машинописного текста и двух рукописных абзацев.

Когда хронологически выполнен машинописный текст и, в частности, мог ли он быть выполненным в 1920 г.? Кто истинный автор текста записки? Кто является исполнителем рукописного текста?

4. Существует несколько версий расстрела и сокрытия следов преступления.

Почему нарушен принцип «всесторонности» уголовного расследования и все версии не исследованы?

[21, с. 227].

Французский историк Марк Ферро заостряет внимание читателей на противоречиях в воспоминаниях лиц, утверждавших что они являются очевидцами расстрела и последующего захоронения членов царской семьи: «Ни одно из этих свидетельств не совпадает с другими… То тела сжигают, то хоронят и даже отрезают головы, не хватает только представить сейчас фотографии всех черепов… Убийцы — то работники Чека, то военные; в одном случае их четверо, в другом — одиннадцать, жертвы входят в комнату тоже по-разному и т. д. Кроме того, можно только удивляться, что в зоне белых удалось собрать около 200 свидетелей преступления, совершенного тайно, в то время как красные отступали на запад и, по здравому смыслу, те, кто расстреливал, должны были находиться среди них» [23, с. 325].

Итальянская писательница Мариолина Дориа де Дзулиани призывает внимательно отнестись к «Записке Юровского», в то же время указывая на явную привязанность времени появления этого документа к текущим событиям в СССР в конце 1980-х годов: «В Советском Союзе и на Западе средства массовой информации сообщили и о “Записке”, и о том, что были найдены останки членов императорской семьи. И все же многие — умышленно или по незнанию — продолжают считать все это фальсификацией или же очередной журналистской выдумкой, вроде дневников Гитлера. Но действительность подталкивает нас к тому, чтобы с должным вниманием отнестись к этому документу: ведь не случайно он всплыл на поверхность как раз тогда, когда Советский Союз решил заполнить “белые страницы” отечественной истории» [24, с. 91].

Далее М. Дориа де Дзулиани показывает, что уже по крайней мере к концу 1980-х гг. (время опубликования ее книги на языке оригинала) была известна версия «Записки Юровского» с точными координатами места захоронения жертв расстрела семьи Романовых и их слуг: «Но тот, кто читал “Записку”, точно знал, где сокрыты останки Романовых, так как в конце документа подробно указан “адрес” этого места» [24, с. 91].

II. Автороведческое исследование

Все вышеперечисленные мнения, содержащиеся в различных печатных источниках, привели авторов настоящей статьи к следующему убеждению: необходимо провести автороведческое исследование «Записки Юровского» с целью установить, кто же в итоге является ее подлинным автором. Данный вид исследования в насто-

ящее время является широко известным в кругах криминалистов. Опубликовано достаточно много работ, посвященных автороведческой экспертизе [25; 26; 27].

Максимальной мерой, на которую шли все, кто сомневался в том, что единоличным автором «Записки» являлся Юровский, было производство традиционной криминалистической почерковедческой экспертизы. Так, 25 марта 1996 г. ст. прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В. Н. Соловьев вынес постановление о назначении судебно-почерковедческой экспертизы машинописных и рукописных текстов. В выводах экспертизы содержатся сведения о том, что большинство рукописных текстов и рукописных вставок в машинописные тексты выполнены М. Н. Покровским. Только крайне малое количество рукописных вставок в машинописные тексты в виде слов «фрелина», «был выстлан сукном» и «(партийн. тов.)» были выполнены рукой Я. М. Юровского [28, с. 281–291].

В то же время в современной криминалистике широко известно, что интеллектуальное авторство документа и его физическое рукописное исполнение могут являться результатом деятельности как одного и того же лица, так и двух или более лиц. Иными словами, интеллектуальным автором документа может быть один человек, а исполнителем, написавшим текст от руки, — совершенно иной человек.

В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что интеллектуальными авторами «Записки» могли быть Я. М. Юровский или М. Н. Покровский единолично, либо они же в соавторстве, либо третье лицо/лица.

Для определения авторской принадлежности «Записки» был использован метод атрибуции анонимных и псевдонимных текстов, основанный на теории распознавания образов [29]. Применение этого метода требует выполнения последовательности определенных процедур.

1. Формирование атрибуционной гипотезы

Изучение материалов следственного дела, а также истории появления и дальнейшей судьбы «Записки» позволяет сформулировать атрибуционную гипотезу в следующем виде.

Нулевая гипотеза H_0: атрибутируемый текст представляет собой единоличное произведение Я. М. Юровского.

Альтернативная гипотеза имеет два варианта:

H_a^1: атрибутируемый текст представляет собой единоличное произведение М. Н. Покровского;

H_a^2: атрибутируемый текст представляет собой совместное произведение Я. М. Юровского и М. Н. Покровского.

Для проверки атрибуционной гипотезы необходимо сформировать априорные классы, включающие тексты, достоверно принадлежащие Я. М. Юровскому и М. Н. Покровскому.

2. Состав и структура априорных классов

Основная проблема, которую пришлось решать при формировании априорных классов, заключается в том, что до нашего времени дошло очень мало текстов, достоверно принадлежащих Я. М. Юровскому. Кроме самой «Записки» мы располагаем текстом «Из стенограммы совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале 1/II — <19>34 г.», бóльшую часть которого составляет

выступление Я. М. Юровского на ту же тему, более чем в два раза превосходящее по объему текст самой «Записки», и текстом «Автобиографии члена партии с 1905 года Я. М. Юровского».

Имеющиеся материалы следственного дела Ф. Каплан [30, с. 172–225], обвиняемой в покушении на В. И. Ленина, не могут использоваться при проверке атрибуционной гипотезы, так как в следствии принимали участие несколько следователей, главным из которых был В. Э. Кингисепп, подпись которого стоит первой на всех протоколах, подписанных двумя следователями. Юровский играл в этом деле второстепенную роль, очевидно, ассистируя Кингисеппу, так же как и следователь В. Тарасова.

Таким образом, априорный класс Ω (Юровский) включает два текста, объемом 34 и 362 предложения авторского текста соответственно (табл. 1).

Таблица 1. **Состав априорного класса Ω (Юровский)**

№	Название и выходные данные текста	N
1	Автобиографии члена партии с 1905 года Я. М. Юровского	34
2	Из стенограммы совещания старых большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале 1/II — <19>34 г.	362

Априорный класс Ω (Покровский) составили печатные работы М. Н. Покровского, опубликованные в 1922–1925 гг. (табл. 2).

Таблица 2. **Состав априорного класса Ω (Покровский)**

№	Название и выходные данные текста	N
1	Покровский М. Наши спецы в их собственном изображении. [Статья] // Красная новь. 1922. № 1. С. 146–154.	144
2	Покровский М., Виппер Р. Иван Грозный. Без места. 1922. [Рецензия] // Красная новь. 1922. № 3. С. 275–276.	35
3	Покровский М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»?: (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: «1905»). [Статья] // Красная новь. 1922. № 3. С. 144–151.	126
4	Покровский М. Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма (Нечто вроде ответа Троцкому) // Красная новь. 1922. № 3. С. 101–103.	63
5	Покровский М. Н. Троцкизм и особенности исторического развития России // Коммунистический Интернационал. 1925. № 3(40). С. 21–22.	160

Таким образом, нами сформированы два априорных класса — Ω (Юровский) и Ω (Покровский) — объемом 396 и 528 предложений авторского текста соответственно.

Согласно используемому алгоритму распознавания следующим этапом процедуры является формирование оптимального набора диагностирующих параметров.

3. Формирование оптимального набора диагностирующих параметров

В этой процедуре используется стандартный набор параметров, характеризующих распознаваемые тексты. Данное множество параметров первоначально формируется без каких-либо ограничений, связанных с получением как информации,

необходимой для исходного описания классов, так и информации о конкретных распознаваемых объектах. Априорный словарь параметров формируется на основе стандартного перечня, с учетом того, что в него включаются только те параметры, относительно которых может быть получена информация для описания классов. В нашем случае речь идет о 49 параметрах, характеризующих структуру и состав предложения в анализируемых текстах[4]. Таким образом, каждое предложение исследуемого текста характеризуется набором из 49 параметров априорного словаря и представляет собой 49-мерный вектор или точку в 49-мерном параметрическом пространстве.

Процедура свертывания (уменьшения размерности параметрического пространства) основана на двух взаимосвязанных критериях.

Первый критерий заключается в том, что информативные параметры предлагается искать среди тех, на осях которых известные объекты могут быть в определенном смысле хорошо классифицированы. Для этого производится автоматическая классификация известных объектов в соответствующем одномерном пространстве с введением порога, с которым сравнивается значение классифицирующего критерия. На этом этапе происходит разбиение априорного словаря параметров на два подмножества в соответствии с наблюдаемыми значениями классифицирующего критерия. В качестве классифицирующей функции применяется *t*-критерий Стьюдента:

$$t = \frac{\left|\overline{x}_1 - \overline{x}_2\right|}{\left(\frac{\sigma_1^2}{n_1} + \frac{\sigma_2^2}{n_2}\right)}, \qquad (1)$$

где t — критерий Стьюдента, $\overline{x}_1$ и $\overline{x}_2$ — средние значения первого и второго параметров, σ_1^2 и σ_2^2, n_1 и n_2 — дисперсии и объемы совокупностей для первого и второго параметров соответственно.

[4] Перечень параметров, составляющих априорный словарь: X04 — число элементарных предложений в цельном предложении; X05 — число главных предложений; X06 — число сочиненных предложений; X07 — число сочиненных предложений без спрягаемой формы глагола; X08 — число подчиненных предложений; X09 — число подчиненных предложений 1-й степени; X10 — число подчиненных предложений 2-й степени; X11 — число подчиненных предложений 3-й степени; X12 — число подчиненных предложений 4-й и высших степеней; X13 — число элементарных предложений без номинативного подлежащего; X14 — число подчиненных предложений без спрягаемой формы глагола; X15 — число вставных предложений; X16 — число охватывающих предложений; X17 — число слов 1-й группы (знаменательных); X18 — число слов 2-й группы (служебных); X19 — число существительных; X20 — число прилагательных; X21 — число местоимений; X22 — число спрягаемых форм глагола; X23 — число именных форм глагола; X24 — число наречий; X25 — число предлогов; X26 — число союзов; X27 — число подчинительных союзов; X28 — число сочинительных союзов; X29 — число предикативов; X30 — число слов в аккузативе; X31 — число слов в дативе; X32 — число подлежащих; X33 — число местоимений-подлежащих; X34 — число групп однородных членов; X35 — число членов однородных групп; X36 — число однородных сказуемых; X37 — число однородных групп дополнений; X38 — число причастных и деепричастных оборотов; X39 — число членов причастных и деепричастных оборотов; X40 — число распространенных причастных определений; X41 — число членов распространенных причастных определений; X42 — число согласованных определений; X43 — число причастий — согласованных определений; X44 — число несогласованных определений; X45 — число существительных — несогласованных определений; X46 — число обособленных членов; X47 — число членов в группах обособленных членов; X52 — число существительных без группы; X53 — число групп существительных; X54 — число членов групп существительных; X55 — число знаменательных слов в группах существительных; X56 — число служебных слов в группах существительных.

Критическое значение *t*-критерия при уровне значимости α = 0,05 равно 1,96. Если для каждого *j*-го параметра наблюдаемое значение *t*-критерия при сравнении двух априорных классов меньше 1,96, такой параметр считается нерелевантным для различения данных классов. Статистические характеристики априорных классов и результаты вычисления значений *t*-критерия для 47 параметров априорного словаря (значения, соответствующие параметрам X11 и X12, в текстах не обнаружены) приведены в табл. 3. Параметры, для которых значения *t*-критерия превышают критические, выделены полужирным шрифтом.

Таблица 3. **Статистические характеристики априорных классов и значения *t*-критерия**

Параметр	Ω (Юровский)		Ω (Покровский)		t_j
	$\bar{x}_{1j}$	σ_{1j}	$\bar{x}_{2j}$	σ_{2j}	
X04	2,030	1,193	2,360	1,554	1,684
X05	0,590	0,698	0,690	0,837	0,918
X06	0,460	0,915	0,580	1,046	0,863
X07	0,100	0,362	0,180	0,672	1,047
X08	0,980	1,279	1,220	1,554	1,192
X09	0,610	0,790	0,760	0,955	1,210
X10	0,100	0,389	0,170	0,514	1,086
X13	0,390	0,695	0,700	1,020	**2,512**
X14	0,150	0,359	0,240	0,571	1,335
X15	0,160	0,581	0,110	0,345	0,740
X16	0,140	0,493	0,110	0,345	0,499
X17	15,160	9,722	13,400	8,727	1,347
X18	4,660	3,655	4,740	4,616	0,136
X19	6,080	4,124	4,730	4,355	**2,251**
X20	2,340	2,341	1,220	1,779	**3,810**
X21	2,280	2,055	2,300	1,888	0,072
X22	1,860	1,407	2,070	1,647	0,969
X23	1,080	1,285	1,380	1,588	1,469
X24	1,500	1,487	1,680	1,669	0,805
X25	2,050	2,007	2,030	2,012	0,070
X26	1,580	1,665	2,130	2,573	1,795
X27	0,640	0,990	0,930	1,565	1,566
X28	0,940	1,003	1,200	1,407	1,505
X29	0,080	0,273	0,140	0,377	1,291
X30	1,950	2,071	1,690	1,852	0,936
X31	0,530	0,870	0,520	0,969	0,077
X32	1,670	1,083	1,700	1,235	0,183
X33	0,560	0,770	0,850	0,770	**2,663**
X34	0,460	0,915	0,670	1,111	1,460
X35	1,440	3,616	1,650	2,945	0,450
X36	0,380	0,930	0,500	1,000	0,879
X37	0,160	0,564	0,280	0,830	1,196

Параметр	Ω (Юровский)		Ω (Покровский)		t_j
	$\bar{x}_{1j}$	σ_{1j}	$\bar{x}_{2j}$	σ_{2j}	
X38	0,290	0,656	0,170	0,451	1,508
X39	1,600	4,053	0,810	2,589	1,643
X40	0,080	0,307	0,080	0,307	0,000
X41	0,240	0,944	0,220	0,883	0,155
X42	3,310	3,274	1,660	2,203	**4,181**
X43	0,220	0,543	0,150	0,386	1,051
X44	1,960	2,169	1,390	1,922	**1,967**
X45	1,830	2,128	1,260	1,840	**2,026**
X46	0,560	0,957	0,510	0,810	0,399
X47	2,050	3,930	1,380	2,330	1,467
X48	2,580	2,610	1,930	1,833	**2,038**
X49	2,730	2,093	1,780	1,807	**3,436**
X50	9,100	7,979	5,480	6,413	**3,536**
X51	8,350	7,083	5,070	5,737	**3,598**
X52	0,750	1,209	0,410	0,877	**2,276**

Из табл. 3 видно, что информативными (релевантными для различения априорных классов Ω (Юровский) и Ω (Покровский)) являются 12 параметров: X13, X19, X20, X33, X42, X44, X45, X48, X49, X50, X51, X52.

Второй критерий подразумевает, что информативные параметры, имеющие сильно коррелированные между собой значения, малополезны для различения априорных классов, так как распределены по одному или сходным законам, причем степень их полезности обратно пропорциональна силе корреляционной связи между ними. Вместе с тем целесообразно учитывать информацию о значениях тех параметров, которые оказались нерелевантными для различения априорных классов.

Процедура свертывания параметрического пространства производится путем обработки корреляционной матрицы связей параметров [29]. Содержательным критерием информативности набора параметров служат слабая корреляция информативных параметров между собой (внутригрупповая корреляция) и сильная их корреляция с остальными параметрами, не вошедшими в эту группу (внегрупповая корреляция.). На основе корреляционной матрицы связей параметров вычисляются два показателя:

а) средняя внутригрупповая корреляция каждого параметра

$$\bar{r}^m = \left(\sum_{i=1}^{m} \left|r_{ij}\right| - 1\right) / (m-1), \qquad (2)$$

где $\bar{r}^m$ — средняя внутригрупповая корреляция каждого параметра, r_{ij} — коэффициент линейной корреляции i-го и j-го параметров, m — число параметров в группе;

б) средняя внегрупповая корреляция каждого параметра

$$\overline{r}^{n-m} = \left[\left(\sum_{i=1}^{n} \left| r_{ij} \right| - 1 \right) - \left(\sum_{i=1}^{m} \left| r_{ij} \right| - 1 \right) \right] / (n - m - 1), \quad (3)$$

где $\overline{r}^{n-m}$ — средняя внегрупповая корреляция каждого параметра, r_{ij} — коэффициент линейной корреляции i-го и j-го параметров, n — общее число параметров, m — число параметров в группе.

Далее вычисляется значение критерия эффективности каждого параметра:

$$E_j = \overline{r}_j^{n-m} / \overline{r}_j^{m}, \quad (4)$$

где E_j — эффективность j-го параметра, $\overline{r}_j^{n-m}$ — средняя внегрупповая корреляция j-го параметра, $\overline{r}_j^{m}$ — средняя внутригрупповая корреляция j-го параметра.

Если $E_j > 1$, то j-й параметр входит в рабочий словарь параметров распознающей системы, если $E_j \leq 1$, то j-й параметр исключается из дальнейшего рассмотрения. Результаты вычисления значений критерия эффективности для 12 информативных параметров приведены в табл. 4.

Таблица 4. **Вычисление значений критерия эффективности E_j для информативных параметров**

Параметры	$\overline{r}_j^{m}$	$\overline{r}_j^{n-m}$	E_j
X13	0,0661	0,2183	3,3041
X19	0,6544	0,3606	0,5510
X20	0,5828	0,2845	0,4881
X33	0,0912	0,2259	2,4758
X42	0,6030	0,3219	0,5338
X44	0,5915	0,1818	0,3073
X45	0,5901	0,1825	0,3093
X48	0,4395	0,2798	0,6366
X49	0,6213	0,3448	0,5551
X50	0,6842	0,3226	0,4715
X51	0,6795	0,3305	0,4864
X52	0,5497	0,1977	0,3597

Из табл. 4 видно, что значения коэффициента эффективности, превышающие единицу, наблюдаются у двух параметров: X13 — число элементарных предложений без номинативного подлежащего и X33 — число местоимений-подлежащих. Однако в группе параметров, релевантных для разделения классов, представлены 5 параметров, характеризующих употребление существительных в анализируемых текстах: X52, X53, X54, X55, X56. Поэтому представляется целесообразным, несмотря на то что их показатели эффективности меньше пороговых, включить два из них (X52 — число существительных без группы, X53 — число групп существительных) в рабочий словарь параметров системы распознавания. Таким образом, рабочий словарь включает 4 диагностирующих параметра: X13, X33, X52 и X53, а классификация будет проводиться в четырехмерном пространстве, осями которого являются данные параметры.

4. Определение координат атрибутируемого объекта

Следующим шагом алгоритма атрибуции является описание атрибутируемого объекта (текста) на языке параметров рабочего словаря системы распознавания. Координаты текста «Записки» представлены в табл. 5.

Таблица 5. **Координаты текста «Записка Юровского»**

Параметры	$\bar{x}_j$	σ_j	N
X13	0,778	0,943	117
X33	0,188	0,436	
X52	2,487	1,806	
X53	1,556	1,416	

Применяемый алгоритм распознавания предусматривает двухступенчатую процедуру распознавания: детерминированное и вероятностное.

5. Детерминированное распознавание

В качестве классифицирующей функции детерминированного алгоритма распознавания в одномерном параметрическом пространстве применяется *t*-критерий (формула 1).

Значения *t*-критерия при проверке существенности разностей двух средних для текста «Записки» и априорных классов Ω (Юровский) и Ω (Покровский) приведены в табл. 6.

Таблица 6. **Значения *t*-критерия**

Параметры	«Записка» / Ω (Юровский)	«Записка» / Ω (Покровский)
X13	0,641	2,551
X33	8,837	5,664
X52	2,775	0,432
X53	1,311	6,908

При помощи отобранных таким образом информативных параметров и классификационного правила строится окончательное решающее правило детерминированного алгоритма: *если данный объект по всем информативным параметрам оказался отнесенным к классу* $\boldsymbol{\Omega}_A$ *и ни по одному информативному параметру не оказался отнесенным к* $\boldsymbol{\Omega}_B$*, то он относится к классу* $\boldsymbol{\Omega}_A$ *(аналогично и в отношении принадлежности к классу* $\boldsymbol{\Omega}_B$*). Если же по всем информативным параметрам для данного объекта получен «отказ» или если нашлись хотя бы два параметра, по одному из которых объект относится к классу* $\boldsymbol{\Omega}_A$*, а по другому — к классу* $\boldsymbol{\Omega}_B$*, то итоговым ответом системы будет отказ от распознавания.* Таким образом, для отнесения объекта к классу в общем случае необходимо выполнение условия:

$$\begin{cases} X_i \in \Omega_A, t^{A,X_i}_{\text{набл.},j} \le t_\alpha. \quad j = 1,n. \\ X_i \in \Omega_B, t^{B,X_i}_{\text{набл.},j} \le t_\alpha. \quad j = 1,n. \end{cases} \tag{5}$$

Поскольку критерием принадлежности объекта к классу является наличие значений *t*-критерия меньше критического $t_{0,05}$ = 1,96 для каждого измерения параметрического пространства, необходимо констатировать, что детерминированный алгоритм распознавания выявил наличие статистически существенной разницы между текстом «Записки» и обоими единоличными априорными классами, т. е. дал отрицательный результат. Таким образом, «Записка» не принадлежит ни одному из единоличных авторов.

6. Вероятностное распознавание

При отказе от распознавания и остановке детерминированного алгоритма в действие вступает вероятностный алгоритм распознавания, который приписывает вероятность или степень достоверности каждому решению. Вероятность принадлежности объекта к *j*-му классу вычисляется следующим образом:

$$p_{ij} = \frac{1}{d_{ji}} \left(\sum_k \frac{1}{d_{jk}} \right)^{-1}. \tag{6}$$

Здесь d_{ij} — расстояние между объектом и *i*-м классом, а d_{jk} — расстояние между объектом и остальными классами классификации. Таким образом можно решать любую задачу отнесения объектов к уже известным классам.

При наличии двух классов решающее правило вероятностного алгоритма имеет вид:

$$\begin{cases} X_i \in \Omega_A, \quad P(X_i \in \Omega_A) > 0,5, \\ X_i \in \Omega_B, \quad P(X_i \in \Omega_B) > 0,5, \\ P(X_i \in \Omega_A) = P(X_i \in \Omega_B) = 0,5 - \text{отказ от распознавания.} \end{cases} \tag{7}$$

В качестве функции расстояния между объектами в многомерном параметрическом пространстве используется евклидово расстояние:

$$d(a,b) = \left[\sum_{i=1}^{n} (x_{aj} - x_{bj})^2 \right]^{0,5}, \tag{8}$$

где *n* — размерность евклидова пространства, *a* и *b* — две точки в пространстве E_n с координатами $a(x_{a1}, x_{a2}, ..., x_{an})$, $b(x_{b1}, x_{b2}, ..., x_{bn})$.

Результаты работы вероятностного алгоритма распознавания приведены в табл. 7.

Таблица 7. **Результаты вероятностного распознавания**

Классы	$d(X, \Omega_j)$	$P(X \in \Omega_j)$
«Записка» / Ω(Юровский)	0,859	0,591
«Записка» / Ω (Покровский)	1,243	0,409

Вероятностный алгоритм распознавания с вероятностью 0,6 определил принадлежность текста «Записки» классу Ω (Юровский) и с вероятностью 0,4 — классу Ω (Покровский).

7. Интерпретация результатов распознавания

Результаты работы распознающего автомата по проверке атрибуционной гипотезы позволяют сделать следующие выводы:

1) нулевая гипотеза H_0 о принадлежности текста «Записки» классу Ω (Юровский) (единоличное авторство Я. М. Юровского) опровергается по результатам работы детерминированного алгоритма;
2) альтернативная гипотеза H_a^1 о принадлежности текста «Записки» классу Ω (Покровский) (единоличное авторство М. Н. Покровского) опровергается по результатам работы детерминированного алгоритма;
3) альтернативная гипотеза H_a^2 о совместной работе над «Запиской» Я. М. Юровского и М. Н. Покровского подтверждается результатом работы вероятностного алгоритма распознавания (при соотношении долей каждого участника 0,6:0,4).

Примечание: Теоретически возможно, что при таком распределении вероятностей существует апостериорный класс (неизвестный автор атрибутируемого текста), по отношению к которому оба априорных класса находятся примерно на одном расстоянии.

Выводы

На основании проведенных исследований мы приходим к следующим выводам:

1) Я. М. Юровский не мог быть единоличным интеллектуальным автором текста исследованной «Записки Юровского»;
2) М. Н. Покровский не мог быть единоличным интеллектуальным автором текста исследованной «Записки Юровского»;
3) в случае создания указанными выше лицами исследованной «Записки Юровского» в интеллектуальном соавторстве, авторская доля Я. М. Юровского составляет 60 % от общего объема текста, а авторская доля М. Н. Покровского — 40 % от общего объема текста;
4) по результатам исследования не исключается вариант принадлежности интеллектуального авторства «Записки Юровского» иному лицу (лицам в соавторстве), нежели Я. М. Юровский и М. Н. Покровский.

Это значит, что, скорее всего, вначале М. Н. Покровскому было предложено стать высокопоставленным «хранителем» «Записки Юровского», а Я. М. Юровскому гораздо позднее предложили озвучить ее «модернизированный», «улучшенный» вариант (в феврале 1934 г.).

Литература

1. *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль, 1979. 565 с.
2. *Плотников И. Ф.* Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург: Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», 2003. 528 с.
3. Скорбный путь Романовых (1917–1918). Гибель царской семьи: сб. док. и материаов / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталев; при участии М. Д. Стейнберга. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 319 с.
4. *Буранов Ю. А.* К вопросу о версиях и исторической истинности Екатеринбургской трагедии (На архивных источниках) // Тайны Коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитиче-

ский сборник. № 2. Материалы к рассмотрению вопроса о так называемых Екатеринбургских останках, предположительно принадлежащих к Членам Царской Семьи и верным слугам Их. М.: Купина, 1998. С. 55–58.

5. Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 8. Н. А. Соколов. Предварительное следствие. М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова; РИО «Российский Архив», 1998. 464 с.

6. *Буранов Ю. А., Хрусталев В. М.* Романовы. Гибель династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 352 с.

7. *Буранов Ю. А., Хрусталев В. М.* Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации // Тайны Коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитический сборник. № 2. Материалы к рассмотрению вопроса о так называемых Екатеринбургских останках, предположительно принадлежащих к Членам Царской Семьи и верным слугам Их. М.: Купина, 1998. С. 59–92.

8. *Григорьев Ю.* Последний император России. Тайна гибели. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб; Владимир: ВКТ, 2009. 380 с.

9. *Жук Ю. А.* Гибель Романовых. М.: Вече, 2009. 320 с.

10. *Ковалев С.* Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) // Большая советская энциклопедия. М.: Государственный институт «Советская Энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1940. Т. 45. С. 856–870.

11. *Семанов С. М.* Андропов. Семь тайн генсека. М.: Вече, 2001. 336 с.

12. *Петров В. В., Егоров Г. Б.* Анализ некоторых аспектов воспоминаний Юровского // Писатель. XXI век. Литературно-публицистический журнал. 2008. Вып. 1. С. 57–66.

13. *Буранов Ю. А.* Еще раз о так называемой «Записке Юровского» // Тайны Коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитический сборник. № 2. Материалы к рассмотрению вопроса о так называемых Екатеринбургских останках, предположительно принадлежащих к Членам Царской Семьи и верным слугам Их. М.: Купина, 1998. С. 99–100.

14. *Бурков А. И.* Вера выстоит! Беседа с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой // Тайны Коптяковской дороги. Дело веры. Информационно-аналитический сборник. № 2. Материалы к рассмотрению вопроса о так называемых Екатеринбургских останках, предположительно принадлежащих к Членам Царской Семьи и верным слугам Их. М.: Купина, 1998. С. 12–27.

15. Священный Синод Русской Православной Церкви // Правда о Екатеринбургской трагедии: сб. статей / под ред. Ю. А. Буранова; сост. Е. В. Марьянова. М.: Редакция газеты «Русский вестник», 1998. Вып. 1. С. 221–228.

16. *Покровский М.* Александра Федоровна // Большая советская энциклопедия. М.: Акционерное общество «Советская Энциклопедия», 1926. Т. 2. С. 168–170.

17. Николай II, Николай Александрович Романов (1868–1918) // Большая советская энциклопедия. М.: Государственный институт «Советская Энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1939. Т. 42. С. 133–137.

18. *Росс Н.* Записка Юровского или Записка Покровского? // Правда о Екатеринбургской трагедии: сб. статей / под ред. Ю. А. Буранова; сост. Е. В. Марьянова. М.: Редакция газеты «Русский вестник», 1998. Вып. 1. С. 26–31.

19. *Марьянова Е. В.* Ложь, которую 80 лет пытаются скрыть // Правда о Екатеринбургской трагедии: сб. статей / под ред. Ю. А. Буранова; сост. Е. В. Марьянова. М.: Редакция газеты «Русский вестник», 1998. Вып. 1. С. 141–150.

20. Открытое обращение к Президенту России // Правда о Екатеринбургской трагедии: сб. статей / под ред. Ю. А. Буранова; сост. Е. В. Марьянова. М.: Редакция газеты «Русский вестник», 1998. Вып. 1. С. 233–237.

21. *Попов В. Л.* Где Вы, Ваше Величество?.. СПб., 1996. 208 с.

22. *Сироткин В.* Анастасия, или Кому выгоден миф о гибели Романовых. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 256 с.

23. *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения, 1991. 373 с.

24. *Дориа де Дзулиани М.* Царская семья. Последний акт трагедии / пер. с ит. Е. Архиповой. М.: Худож. лит., 1991. 208 с.

25. *Базанова И. Ф.* Судебно-авторoведческая экспертиза // Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб.: Изд. СПбГУ, 1995. С. 201–202.

26. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 7.

27. *Седова Т. А.* Судебное автороведение // Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб.: Издательство «Лань», 2001. С. 309–317.

28. *Лыкова Л. А.* Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи: историографический и археографический очерк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 320 с.

29. *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методами теории распознавания образов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 168 с.

30. Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина?: сб. документов / сост. В. К. Виноградов и др. Сер. Секреты специальных служб. М.: X-History, 2003. 300 с.

Для цитирования: Петров В. В., Марусенко М. А. Об истинном авторе «Записки Юровского» // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 76–107. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.105.

References

1. Kasvinov M. K. *Dvadtsat' tri stupeni vniz* [*Twenty three steps down*]. Moscow, Mysl Publ., 1979. 565 p. (In Russian)

2. Plotnikov I. F. *Pravda istorii. Gibel' tsarskoi sem'i* [*The true story. The death of the royal family*]. Yekaterinburg, Sverdlovsk regional public organization "For spirituality and morality" Publ., 2003. 528 p. (In Russian)

3. *Skorbnyi put' Romanovykh (1917–1918). Gibel' tsarskoi sem'i: sb. dok. i materiaov* [*Mournful route of the Romanovs (1917–1918). The death of the royal family. Coll. documents and materials*]. Eds. V. M. Khrustalev, M. D. Steinberg. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2001. 319 p. (In Russian)

4. Buranov Y. A. [On the question of versions and the historical truth of the Yekaterinburg tragedy. (On the archives)]. *Tainy Koptiakovskoi dorogi. Delo very. Informatsionno-analiticheskii sbornik. № 2.* Materialy k rassmotreniiu voprosa o tak nazyvaemykh Ekaterinburgskikh ostankakh, predpolozhitel'no prinadlezhashchikh k Chlenam Tsarskoi Sem'i i vernym slugam Ikh [*Secrets of Koptyaki road. The matter of faith. Information and analytical digest.* N 2. Materials for the consideration of the so-called Yekaterinburg remains, allegedly belonging to members of the Royal Family and their faithful servants]. Moscow, Kupina Publ., 1998, pp. 55–58. (In Russian)

5. *Rossiiskii Arkhiv. Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* Vyp. 8. N. A. Sokolov. Predvaritel'noe sledstvie [*The Russian archive. History of the Fatherland in the testimonies and documents of the 18–20 centuries.* Issue 8. N. A. Sokolov. Preliminary investigation]. Moscow, Studio "TRITE" of Nikita Mikhalkov Publ.; RIO "Russian Archive" Publ., 1998. 464 p. (In Russian)

6. Buranov Y. A., Khrustalev V. M. *Romanovy. Gibel' dinastii* [*The Romanovs. The death of the dynasty*]. Moscow, Olma-Press, 2000. 352 p. (In Russian)

7. Buranov Y. A., Khrustalev V. M. [Chronology of Ekaterinburg murder and methods of disinformation]. *Tainy Koptiakovskoi dorogi. Delo very. Informatsionno-analiticheskii sbornik. № 2.* Materialy k rassmotreniiu voprosa o tak nazyvaemykh Ekaterinburgskikh ostankakh, predpolozhitel'no prinadlezhashchikh k Chlenam Tsarskoi Sem'i i vernym slugam Ikh [*Secrets of Koptyaki road. The matter of faith. Information and analytical digest.* N 2. Materials for the consideration of the so-called Yekaterinburg remains, allegedly belonging to members of the Royal Family and their faithful servants]. Moscow, Kupina Publ., 1998, pp. 59–92. (In Russian)

8. Grigoriev Y. *Poslednii imperator Rossii. Taina gibeli* [*The last emperor of Russia. The mystery of death*]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Astrel-Petersburg Publ.; Vladimir, WCL Publ., 2009. 380 p. (In Russian)

9. Zhuk Yu. A. *Gibel' Romanovykh* [*The death of the Romanovs*]. Moscow, Veche Publ., 2009. 320 p. (In Russian)

10. Kovalev S. [Pokrovsky Mikhail Nikolaevich (1868–1932)]. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [*Great Soviet Encyclopedia*]. Vol. 45. Moscow, State Institute "Soviet Encyclopedia" Publ., 1940, pp. 856–870. (In Russian)

11. Semanov S. M. *Andropov. Sem' tain genseka* [Andropov. *Seven secrets of the secretary general*]. Moscow, Veche Publ., 2001. 336 p. (In Russian)

12. Petrov V. V., Egorov G. B. Analiz nekotorykh aspektov vospominanii Iurovskogo [Analysis of some aspects of Yurovsky memories]. *Pisatel'. XXI vek. Literaturno-publitsisticheskii zhurnal* [*Pisatel. XXI Century. Literary and journalistic magazine*], 2008, vol. 1, pp. 57–66. (In Russian)

13. Buranov Y. A. [Once again the so-called "Yurovsky Notes"]. *Tainy Koptiakovskoi dorogi. Delo very. Informatsionno-analiticheskii sbornik. № 2.* Materialy k rassmotreniiu voprosa o tak nazyvaemykh Ekaterinburgskikh ostankakh, predpolozhitel'no prinadlezhashchikh k Chlenam Tsarskoi Sem'i i vernym slugam Ikh [*Secrets of Koptyaki road. The matter of faith. Information and analytical digest.* N 2. Materials for the

consideration of the so-called Yekaterinburg remains, allegedly belonging to members of the Royal Family and their faithful servants]. Moscow, Kupina Publ., 1998, pp. 99–100. (In Russian)

14. Burkov A. I. [Faith will survive! Interview with Olga Nikolaevna Kulikovskaya-Romanova]. *Tainy Koptiakovskoi dorogi. Delo very. Informatsionno-analiticheskii sbornik. № 2.* Materialy k rassmotreniiu voprosa o tak nazyvaemykh Ekaterinburgskikh ostankakh, predpolozhitel'no prinadlezhashchikh k Chlenam Tsarskoi Sem'i i vernym slugam Ikh [*Secrets of Koptyaki road. The matter of faith. Information and analytical digest.* N 2. Materials for the consideration of the so-called Yekaterinburg remains, allegedly belonging to members of the Royal Family and their faithful servants]. Moscow, Kupina Publ., 1998, pp. 12–27. (In Russian)

15. [The Holy Synod of the Russian Orthodox Church]. *Pravda o Ekaterinburgskoi tragedii: sb. statei* [*The truth about the Ekaterinburg tragedy. Collection of articles*]. Ed. by Y. A. Buranov, comp. E. V. Maryanova. Vol. 1. Moscow, The newspaper "Russian Vestnik" Publ., 1998, pp. 221–228. (In Russian)

16. Pokrovsky M. [Alexandra Fedorovna]. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [*Great Soviet Encyclopedia*]. Vol. 2. Moscow, Joint-stock company "Soviet Encyclopedia" Publ., 1926, pp. 168–170. (In Russian)

17. [Nicholas II, Nikolai Alexandrovich Romanov (1868–1918)]. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia* [*Great Soviet Encyclopedia*]. Vol. 42. Moscow, State Institute "Soviet Encyclopedia" Publ., 1939, pp. 133–137. (In Russian)

18. Ross N. [Yurovsky Notes or Pokrovsky Notes?]. *Pravda o Ekaterinburgskoi tragedii: sb. statei* [*The truth about the Ekaterinburg tragedy. Collection of articles*]. Ed. by Y. A. Buranov, comp. E. V. Maryanova. Vol. 1. Moscow, The newspaper "Russian Gazette" Publ., 1998, pp. 26–31. (In Russian)

19. Maryanova E. V. [Lie that 80 years of trying to hide]. *Pravda o Ekaterinburgskoi tragedii: sb. statei* [*The truth about the Ekaterinburg tragedy. Collection of articles*]. Ed. by Y. A. Buranov, Comp. E. V. Maryanova. Vol. 1. Moscow, The newspaper "Russian Gazette" Publ., 1998, pp. 141–150. (In Russian)

20. [Open letter to the President of Russia]. *Pravda o Ekaterinburgskoi tragedii: sb. statei* [*The truth about the Ekaterinburg tragedy. Collection of articles*]. Ed. by Y. A. Buranov, Comp. E. V. Maryanova. Vol. 1. Moscow, The newspaper "Russian Gazette" Publ., 1998, pp. 233–237. (In Russian)

21. Popov V. L. *Gde Vy, Vashe Velichestvo?..* [*Where are you, Your Majesty?..*]. St. Petersburg, 1996. 208 p. (In Russian)

22. Sirotkin V. *Anastasiia, ili Komu vygoden mif o gibeli Romanovykh* [*Anastasia or who benefits the myth of the Romanov death*]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 256 p. (In Russian)

23. Ferro M. *Nikolai II* [*Nicholas II*]. Moscow, International Relations, 1991. 373 p. (In Russian)

24. Doria de Dzuliani M. *Tsarskaia sem'ia. Poslednii akt tragedii* [*Royal family. The last act of the tragedy*]. Transl. from Italian by E. Arkhipova. Moscow, Fiction Publ., 1991. 208 p. (In Russian)

25. Bazanova I. F. [Forensic examination]. *Kriminalistika: uchebnik* [*Criminalistics. Textbook*]. Eds. T. A. Sedova, A. A. Eksarhopulo. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1995, pp. 201–202. (In Russian)

26. *Kriminalistika: kratkaia entsiklopediia* [*Forensics. Short Encyclopedia*]. Ed. R. S. Belkin. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1993, p. 7. (In Russian)

27. Sedova T. A. [Court author examination]. *Kriminalistika: uchebnik* [*Criminalistics. Textbook*]. Eds. T. A. Sedova, A. A. Eksarhopulo. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1995, pp. 309–317. (In Russian)

28. Lykova L. *Sledstvie po delu ob ubiistve rossiiskoi imperatorskoi sem'i: istoriograficheskii i arkheograficheskii ocherk* [*The investigation into the murder of the Russian imperial family. Historiographical and archeographic essay*]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2007. 320 p. (In Russian)

29. Marusenko M. A. *Atributsiia anonimnykh i psevdonimnykh literaturnykh proizvedenii metodami teorii raspoznavaniia obrazov* [*Attribution of anonymous and pseudonymous literary texts by pattern recognition theory*]. Leningrad, Leningrad University Press, 1990. 168 p. (In Russian)

30. *Delo Fani Kaplan ili kto strelial v Lenina?: sb. dokumentov* [*Case Fanny Kaplan or who shot at Lenin? Collection of documents*]. Comp. V. K. Vinogradov. Series "Secrets of special services". Moscow, X-History Publ., 2003. 300 p. (In Russian)

For citation: Petrov V. V., Marusenko M. A. Regarding the True Author of "Yurovsky Notes". *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 76–107. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2017.105.

Статья поступила в редакцию 16 июня 2016 г.;
рекомендована к публикации 1 декабря 2016 г.